

От редакции: Чтобы читатель журнала «Сибирь» осознал, какого талантливого русского художника нынче представляет наше издание, мы решили перед статьей привести из книги отзывов некоторые впечатления зрителей, посетивших последнюю прижизненную выставку Андрея Рубцова.

«Сегодня получила огромное эстетическое удовольствие от встречи с Вашим удивительным творчеством! Какая живописная мощь в каждой Вашей работе»

*Наталья Сысоева,
Член Союза художников России (Иркутск)*

«Андрей Рубцов! Нет слов, чтобы высказать свое восхищение и изумление Вашими бессмертными произведениями!»

*Людмила Переднева,
Член Союза художников России (Иркутск — Германия)*

«Андрей, ты большой художник! Ты заставляешь звучать ночь всеми цветами. Из танства цвета ты создаешь музыку настроения. Из мощных аккордов света — трагичность. Трагичность судьбы человека твоего времени, не потерявшего, однако, способности видеть чудо в окружающем Божием мире, его непостижимую тайну. Твои работы — это прикосновение к чуду бытия, к природе и человеку, как чуду. (...) Божественное не бывает реально-материальным, и твоя живопись как раз и есть чудо, как ты и сам.

(Подпись неразборчива)

«Великий! В одном ряду с Рембрандтом, Гойей, Ван Гогом. Очень глубоко, до самых глубин человеческих чувств. Нет тебе равных, Андрей, ты сработал за всех. (...) Каждое твое полотно сродни высочайшим музыкальным произведениям гениев».

(Подпись неразборчива)

«Дорогой Андрей Филиппович, в работах, созданных в последний год, Вы достигли потрясающего, какого-то нечеловеческого уровня глубины. Проанализировать сложно, это просто ошеломляет».

*Ирина Бордовская,
искусствовед.*

«Люблю талантливых людей! Андрей Рубцов — один из них. Большой художник, талантливый живописец, самородок, каких рождает наша русская земля. Иносказания в названиях работ, художник мыслящий. (...) Художник среди художников. Академик живописи, художник от Бога. (...) На твоих работах надо учиться и мне, как художнику».

*Н.А. Ежов
художник (г. Москва)*

«Дорогой Андрей Филиппович, многая Вам лета. Сердечное спасибо за Ваше творчество, я окунулся в Ваши полотна, как в океан стозвонный. И буду еще долго переживать это чудесное состояние души и сердца. Спаси Бог тебя!»

*Глеб Пакулов,
член Союза писателей СССР.*

«Да, Андрей, (...) тебе удалось уловить (...) волшебное единоборство тьмы и света. И из тьмы свет светит — так, кажется, сказано в Писании. И музыка цвета не может звучать без тени — это твоя находка, открытие твое для нас».

(Подпись неразборчива)

* * *

В Иркутском областном художественном музее без особой помпы, рекламы и официоза и, вопреки всему, с замечательным успехом в мае месяце 2012 года прошла персональная (последняя прижизненная) выставка известного русского художника, ветерана Великой Отечественной войны Андрея Филипповича Рубцова. Её долго ждали — выставочной суете художник предпочитал, по его словам, «умиротворение и тишину мастерской». И хотя праздник был до обидного недолгим, всего-то чуть больше двадцати дней (поджимала коммерческая (!?) выставка), поклонники и знатоки творчества Рубцова успели насладиться талантливой живописью и сполна оценить многотрудный творческий подвиг художника, который в свои тогда восемьдесят пять лет не потерял живую связь с миром, с веком, не растратил дара слушать и слышать в прорастающем времени музыку вечности. А главное — вопреки всем путям-перепутьям судьбы сохранил неувядающим свой живописный талант. А талант — единственная новость, которая всегда нова!

* * *

Известно — живопись живет потому, что не все в нашей жизни, нашем бытии может быть обозначено словом, даже таким всемогущим, как наше русское слово. И чем сложнее и образней пластический строй картины, тем труднее подобрать к ней словесное подобие. Именно потому о творчестве Андрея Рубцова не многие отваживались писать, да и ныне, после того, как не стало художника (а тому уже почти четыре года!?), осмеливаются это сделать.

А ведь как хочется! Хочется проникнуть в тайны пластической организации, в цветоритмическую, мощную, цельную полифоническую музыку его полотен, в саму поэтику его, рубцовской, живописи. А, может быть, как говорили некоторые выступающие на закрытии выставки, еще не пришло время понять хоть в каком-то приближении к истине образы художника?

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.*

В отношении высокой живописи эта максима на все времена.

Но мы в помощь позовём другую, тоже тютчевскую, мысль: понять невозможно, но ведь можно поверить. Поверить и порадоваться — тебе посчастливилось соприкоснуться с чем-то, что и в жизнь не разгадать.

Помню — в первое посещение выставки я неторопливо обошла все три ее зала, не останавливаясь подолгу у отдельных картин, потом пошла по второму кругу доглядывать то, что особенно привлекло меня — я всегда так делаю. Оказавшись опять в блаженном одиночестве самого большого экспозиционного актового зала, устроенного, конечно же, самим автором с большим тщанием, смыслом и вкусом, я как-то сразу доверилась художнику, я поверила в правду т а к о г о живописного видения, поверила в т а к о й способ сосуществования природного, рукотворного и идеального, в его, рубцовское, особенное, как у всякого настоящего художника, понимание осмысленности связей земного и небесного.

Мысли и чувства, восхлынувшие во мне после просмотра картин Андрея Рубцова, я, вскоре после закрытия выставки, решила высказать печатно, предварительно позволив себе сказать читающим мои заметки то, что я пыталась внушить своим студентам-первокурсникам перед посещением выставки художника: да, живопись Андрея Рубцова не поддается объяснению и не нуждается в нем, его замыслы невозможно истолковать словом, иначе бы Рубцов писал стихи, а не картины, но все-таки по поводу любого творчества можно порассуждать, его можно, как теперь говорят, интерпретировать, то есть передать безусловно субъективное, может быть иногда и созвучное авторскому, но все-таки свое собственное суждение об увиденном.

Вот и я попробую высказать свое суждение о рубцовских картинах, «мерцающих, как темный алмаз», по образному выражению писателя Валентины Сидоренко.

Без эмоций нет искусства, вот и живопись отображает, прежде всего, чувственный образ мира. Андрей Рубцов, безусловно, чувственный художник, но чувства его умные. Никто, и даже сам художник, не сможет взвесить долю ума и чувства, вложенные в образ, но зритель (часто на каком-то подсознательном уровне) разберется в сути — головная это работа или сердечная. Идеально, когда у художника сердечный ум и умное сердце. Здесь именно такой случай.

В процессе работы, выстраивая и сочиняя картину, с неизбежностью усложняя себе задачу, Андрей Рубцов — что интересно и удивительно — в готовом холсте оставляет, доносит до зрителя нетронутым этот первый изначальный порыв чувств, позыв, возникший в уме и сердце, образный импульс, ради чего собственно и началась работа. Этот изначальный поэтический и прежде всего цветовой аккорд ты слышишь сразу, и он звучит долго, не умолкая до тех пор, пока другая картина, следующий зрительный и чувственный образ не вытеснит его. Для меня как для зрителя это важно. Всматриваясь в холсты, я ищу этот первый образ-цветозвук, он, в сущности, сразу, как камертон, настраивает меня, помогает мне подключиться к авторской поэтической волне и в меру моей зрительской фантазии, возможностей воображения, ассоциаций воспарить от мелочей будничного, куда зовет нас художник, и зачем мы ходим на выставки. Правда, услышать этот зов могут лишь родственные души, способные на сотворчество с автором — и это нормально. Думаю, ничего более настораживающего для художника и быть не может, чем суждение «всем понравилось».

Вот, казалось бы, простой мотив — «Сушат холсты». Двор как двор, но его ин-

дивидуальный мир выступает как проявление многоликости, цель его существования — быть частичкой чего-то безмерного за пределами холста.

А все дело в том, как распределяет автор запечатленный мир, его движение в пространстве, а главное, в цвете-свете, которые не могут удержать мир двора в его земных пределах, а устремляют его и ввысь и вширь, тем самым делают его частичкой космоса. То же можно сказать о картинах-пейзажах «Теплый вечер», «Деревенские миражи», «Осень, ворота», «Вечер старого дома» и так далее. Наш город богат на замечательных пейзажистов, но Рубцов углядел в сибирской природе особенную, почти мистическую интонацию и нашел ответное чувство у зрителя не из-за узнаваемости мотива, а прежде всего потому, что цветотонные градации в его холстах выступают как сама поэзия.

Как и всякий человек, Андрей Рубцов наблюдает и переживает столь наглядно и столь трагично изменяющуюся жизнь, а как художник ставит перед собой более сложные задачи, чем быть просто летописцем событий. Он отображает, воссоздает портрет времени, его идеи, и придает нашему веку формы, краски и звуки века яростного, но прекрасного, вопреки всему обязательно прекрасного, иначе зачем так волнующе звучит в его картинах плотно замешанная живопись, зачем с таким явным наслаждением, мастерски, но без показного артистизма, Рубцов лепит форму цветом, тоном, делает ее то весомой, то растворяет в воздухе, впрочем, и сам воздух художник понимает как среду, насыщенную цветом и нерасторжимую с ним.

Все в нашей жизни станет разумным, все «образуется», уверял нас художник (спасибо ему!). Андрей Филиппович и сам в это верил, а потому в творчестве, в живописи искал гармонию: красиво, убедительно по тону, часто рискованно выстраивал, сочетал цвета, но при этом не позволял краскам вырываться за пределы, обозначенные автором. Холсты Рубцова — цельное, классическое созвучие.

Из своего опыта знакомства с творчеством художника я знала, что при встрече с его искусством на такой большой выставке будут у меня особые поводы для радости, раздумий. Знала, а все равно восприняла как нечто удивительное, что кисть-то его, как и встарь, свободно, играючи (всем понятно, чего стоит эта свобода!) справляется с большими холстами. Автор не впадает при этом в соблазн декоративизма, остается в рамках честно исполненной картины. Вот уж, действительно, «его пример для всех наука» и укор нашим молодым «антикартинщикам», с их скороспелыми фокусами и ерничеством, с их небрежением традиции и школы. Андрей Филиппович Рубцов — один из тех немногих, кто так высоко поддержал (не только в творчестве, но и в своей преподавательской работе) живописные устремления иркутской художественной школы.

Большой знаток и часто (сама слышала) оригинальный, совсем не по учебнику, толкователь истории искусства, Андрей Рубцов, конечно, понимал, что замышляя «Прощеное воскресенье» и особенно «Жили-были», он здорово рискует. Не много приходит на ум картин, где бы не в цикле, как у Гойи, Рембрандта или Корина, не в триптихах и полиптихах, а на одном, пусть и большом полотне, вмещалась судьба, протяженная во времени и пространстве. Может быть, он вспомнил русско-византийскую традицию житийных икон? Думаю, не без того. Но, на мой взгляд, он закопался в более ранние пласты жизни духа человеческого, когда для реализации дерзновенного, прямо скажем, замысла в картине «Жили-были» выбрал древнюю, как мир, притчевую форму повествования, просторную, годящуюся для всех времен и народов. Рубцов, как в притче, обозначает жизненный цикл отдельного человека от отрочества до времен последних как путь человека вообще, человека, живущего вне времени и пространства. И отрок, и старик и старуха проходят по земле (удивительная находка!) природными голыми стопами, чтобы во всю жизнь подпитываться её живительными соками, ясно ощущать подземный

гул, конечно же, коренной Руси. Несмотря на явно обозначенный общечеловеческий подход к теме, картина «Жили-были» о России, ее горевой (и гаревой) судьбе, о правоте и осмысленности русского жизненного круга в коллороте вечного времени. Этот образ определил классический композиционный ход, сдержанный, с достоинством принцип цветовой и световой организации холста.

Творческое «верую» у любого художника — это обозначение глубинной сути его натуры (и человеческой и художнической). Говорят, художник как дышит, так и пишет. В рубцовской живописи особенное дыхание, его, как у всякого настоящего художника, ощущаешь сразу. Пластическая цветовая экспрессия, фактура письма у Рубцова сродни дыханию вулкана перед извержением лавы, когда он с неимоверным волевым усилием придержал, затаил выдох. В рубцовском космосе ясно ощущаешь напряжение, смиримое дисциплиной, и в этом смысле творчество Андрея Рубцова тяготеет к классической художественной традиции, где противоборство хаоса и гармонии хоть и разрешается в пользу последней, но хаос лишь притаился до времени — он тоже созидает Ж И З Н Ь.

Красота Божьего мира, не говоря о глубинной духовной ее сути, неисчерпаема. На этом стоит искусство и будет стоять, пока жив человек. И потому большинство художников, по крайней мере художников-реалистов (в широком, современном значении этого понятия), я определяю для себя как художников Воскресения. Что я имею в виду? Господь, создав все в свой черед, отдохнул в день недельный, благословил его, ибо все, что Он сотворил, было «хорошо весьма». Вот это-то «хорошо» и отображают, в основном, художники и правильно делают, и Бог им в помощь. Были, есть и на майской выставке Рубцова такие работы. Но, на мой взгляд, художника и раньше, а сейчас в особенности, больше волнуют процессы, сама энергия творения, когда еще не все выявлено, а выступает как возможное, скорее как предчувствие, и в этом пред-явлении больше духовной энергии, а в самой задаче это отобразить, должно быть, и больше творческого волнения. Отсюда взволнованно-экспрессивная фактура его картин, отсюда и напряженный колорит — особый рубцовский почерк ни с одним другим не спутаешь. Это главное в реализации замысла, альфа и омега его искусства.

Удачным эпиграфом к выставке и ключом к возможному соработничеству зрителя и художника, соприкосновения зрителя со стихией души Андрея Рубцова стала картина «Прикосновение». Тема вечная для художников во все эпохи и не новая для Иркутска, вспоминается автопортрет Вычугжанина перед белым холстом. У Рубцова другой ход размышлений и чувствований, менее, на мой взгляд, определенный, — сразу и не поймешь, перед чем художник, — перед холстом, дверью, вратами, а за ними чудесный, неизреченный свет... И мольба — «Отверзи двери ми...» А может быть там и вовсе нечто другое...

Драматизм, внутренний нерв его размышлений с кистью в руке связан с извечной темой мирового и русского искусства, с темой русской иконы. Она по-прежнему современна в любом созидающем, а не разрушительном искусстве. Но в живописи она выступает наиболее явственно. Это тема преодоления греховного в человеческой природе, стремления выволить из бездны небытия образ Бога-света. Весь «золотой» семнадцатый век размышлял о том, почему так трудно человеку подниматься по духовной «лестнице»? Об этом — всполохи свечей в мрачной пещере вместо Божьего света, теснота и духота «погребного» мира Караваджо и Латура и вопрос на все времена: почему человек согласился на него?

Рубцов, размышляя над этими вечными вопросами, ищет ответ не в правде реалий, он создает правду чувства, правду образа и выражает ее художественными средствами. «Притча о мальчике» при всех подтекстах прежде всего вызывает щемящее чувство — как одинок этот свет во тьме крошечной. Это самый первый пласт

понимания картины, он, конечно, важный, но есть и другой, и третий — взгляните в эту темноту, она насыщена светом, проявляются лики женщин и дверь, и окно, как солнечная небесная проталина, они манят в путь-дорогу, куда мечтой уже улетел этот мальчик. Верится, как бы ни сложилась судьба, фитильковый свет его детства останется навсегда в его сердце равновеликим свету негасимой лампы.

В приватной беседе Андрей Филиппович высказал мысль о том, что зритель имеет право на подсказку. Художник понимает — он не из тех, которые сразу открываются зрителю, и подсказывает то названием картины (оно служит некоей словесной программой), то какими-то деталями, указующими зрителю возможное направление на путях уяснения авторского замысла. Пытливый зритель, возможно, станет размышлять, какую смысловую и образную нагрузку может нести крестовидный стол в «Притче о мальчике» или корабль в картине «Человек с тростью». Детали, действительно, важны, но художник не сможет предугадать, какие чувственные и мыслительные ходы предпримет смотрящий, чтобы связать воедино старуху, хлеб и лошадь, даже если зритель образованный и ему известно, что за ними есть закрепленные культурой образы и смыслы. А ведь это не детали, а главные персонажи картины.

Все-таки Рубцов не рассказчик, он поэт, и важнее проникнуть, прочувствовать художественную суть его поэтики. Восприятие искусства так же субъективно, как и само творчество. Чего греха таить — некоторые зрители, да и художники, уверены, что картины Рубцова выиграли бы, когда бы он «взял на полтона выше». О вкусах не спорят, но история живописи свидетельствует: во все времена лучшие художники не копировали слепо природный цвет (ну зачем, на самом деле, дважды одно и то же), а опирались на присущее человеку свойство связывать цвет, колорит с чувством. Все великие художники оставили нам свой цветовой образ времени, в котором они жили, и этот образ, как нам известно, вовсе не обязан был совпадать с мнением его современников. И тем более художников, сравните Малявина и Врубеля. (В скобках могу признаться, что моё восприятие времени рубежа тысячелетий — на предгрозовом небе отблеск зарниц — навеяно, видимо, Рубцовым). Художественно-образное чувство цвета, способность различать тоновые его градации, привычка к разным творческим ходам в искусстве (т.е. всё то, что зависит от творческих усилий самого зрителя!) предопределяет зрительское интерес, возможность со-чувствия, со-творчества с художником.

Художников надо смотреть! Художников надо показывать!

Предполагаемая в художественном музее выставка живописи Андрея Рубцова даст возможность сегодняшнему зрителю убедиться в том, насколько цветовой строй его картин, особенно рубежа тысячелетий, провидчески верно и зримо отображает наше предгрозовое (кажется, для России перманентно предгрозовое) время.

Андрей Рубцов, сеятель в лучших, плодороднейших пластах мировой и русской живописи, во всю свою художническую жизнь отстаивал право на вненатуралистическую, образную значимость сочиненного цвета. Хотя его цветовые образы сотканы из природных цветов земли и неба, они являются нам творчески преображенными. Его искусство зиждется на вневременной в мировой художественной культуре традиции, которую В.И. Суриков выразил формулой: есть колорит, есть художник, нет колорита — нет художника. При всем кажущемся максимализме этой позиции спорить с ней трудно. Как слово для писателя, для музыканта звук, так для живописца главным останется цвет. На том стоит творчество лучших иркутских живописцев А. Вычугжанина, А. Костовского, В. Кузьмина и других, на том стоит и творчество Андрея Рубцова, который, размышляя о времени, ЖИВОПИСУЕТ его мыслеобраз!

Ответственный перед своим даром, Рубцов никогда не спешил выставлять на суд публики скорodelьные работы. То, что удавалось видеть на иркутских выстав-

ках, вполне могло составить мнение о нем, как о большом художнике. Но показанное в таком объеме на уже упомянутой нами большой майской выставке 2012 года, творчество Андрея Рубцова прозвучало цельно и мощно, как поэма, как симфония, из которой без потерь нельзя убрать ничего. Но что поделаешь? Может быть, удастся показать на выставке две рубцовские картины девяностых годов, которые ушли в Томск. Их многие помнят до сих пор — «Гарсия Лорка» и «Ворота». В первом полотне в центре композиции изображен стол цвета разгорающегося пожара, какой-то пылающий престол, а вдоль него стулья-соборы, а во второй — сиротливые бездомные ворота на берегу Ангары, в блуждающие створы которых уже давно никто не входит, рядом-то уже ничего нет, лишь река пронесет мимо них свои холодные воды. Обе картины — предчувствие нашей беды. Воистину, искусство предсказатель, да мы не научились доверять нашим художникам, писателям, композиторам, а жаль. Жаль и того, что я, видимо, уже никогда не увижу этих картин.

Обидно, что в сибирских городах с гораздо более короткой культурной историей есть галереи местного искусства, либо постоянно действующие экспозиции местных художников, в Иркутске же ничего этого нет, как, к слову сказать, и литературного музея. Будут ли знать наши потомки, будущие исследователи сибирской культуры, а «чем еси удивлена была» наша иркутская земля? Созданная наскоро для невзыскательной публики, паразитирующая на ее инстинктах кич-поп-масс-антикультура не нуждается в государственном покровительстве, в нем нуждаются творцы высокой культуры — тонюсенький озоновый оберег русского национального самостоянья. «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами», — неплохо было бы, чтобы эти слова поэта стали, наконец, определять (после всяческих хороших поправок в конституцию России) культурную политику государства и местных властей. Сегодня, на мой взгляд, превзойдены все предельно допустимые нормы невнимания государства к искусству, особенно в провинции. Не потому ли в расцвете творческих сил уходят в мир иной один за другим Вершинины и Десяткины?

Талант, он от Бога, но вряд ли Рубцов смог бы во всей полноте и значимости его проявить, не будь рядом женщины, к которой всегда хочется обращаться: «Ваша светлость». В каждом женском образе художника есть её частица как воплощение вечно женственного. Инна Ивановна Рубцова, художник и реставратор живописи, его первый зритель и критик, мнение её было всегда особенно дорого. В любых жизненных обстоятельствах жена помогала ему сохранять достоинство художника, жить и работать «не требуя наград, ни повышения в чин». Поклонимся ей до земли.

Хочется обратиться к иркутским покровителям искусства. Довольно поддерживать, или как теперь говорят, «раскручивать» лишь то, что до вас было благополучно раскручено, либо, что еще хуже, спонсировать весьма сомнительные в эстетически-нравственном отношении конкурсы. Надеюсь на лучшее, упоминать их не станем... даст Бог, в залах Иркутского художественного музея мы увидим скоро во всей возможной на сегодняшний день полноте выставку Андрея Филипповича Рубцова — ведь большая часть его творческого наследия хранится в семье, в запасниках Иркутского художественного музея. Иные картины, что, к сожалению, неизбежно и чего очень не хотел художник, разбредутся со временем по другим городам и весям. Таковы реалии нашей теперешней культурной жизни. (Теперь понятно, почему я вспомнила потенциальных меценатов.) Но и того, что ещё наше, вполне довольно, чтобы посетителям осенней выставки мастера заранее предсказать: со временем, когда забудутся детали его картин, их название и сюжет, ещё долго-долго вас будут тревожить миражи таинственно манящей бездны, а в ней, как луч надежды, всполохи горнего света.

Этого-то уж никто не отнимет.

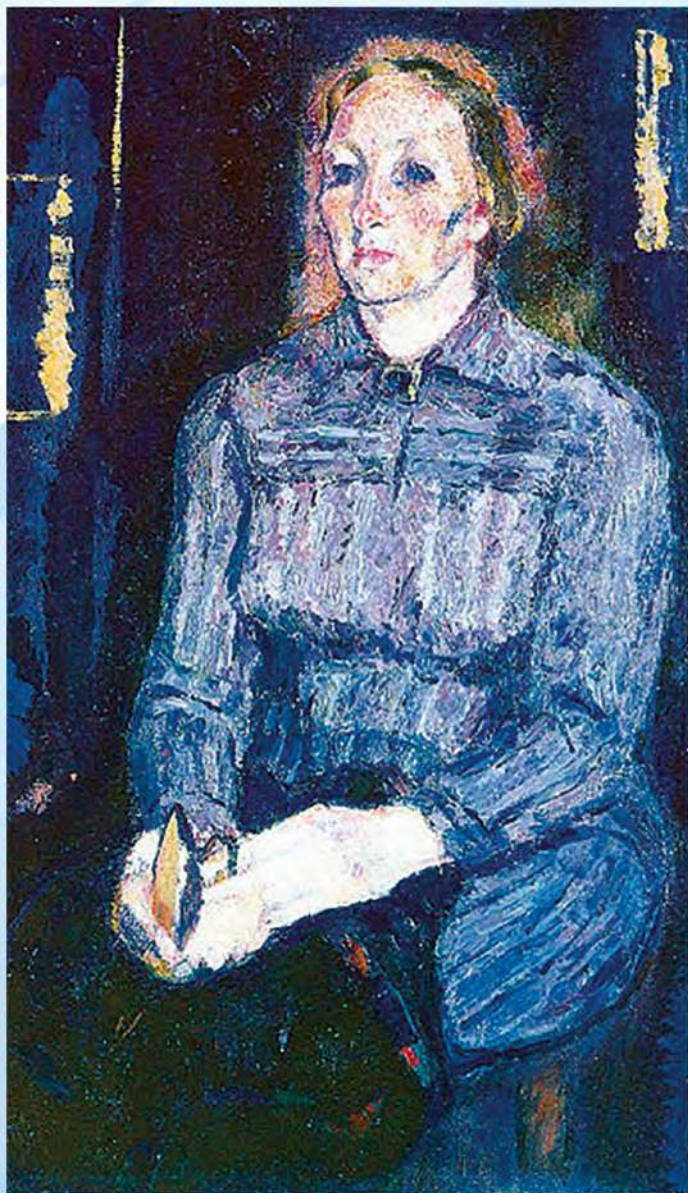
А. Рубцов. 8 марта. X., м. 1985 г.

А. Рубцов. Ветреный день на Ангаре. Х., м. 1988 г.

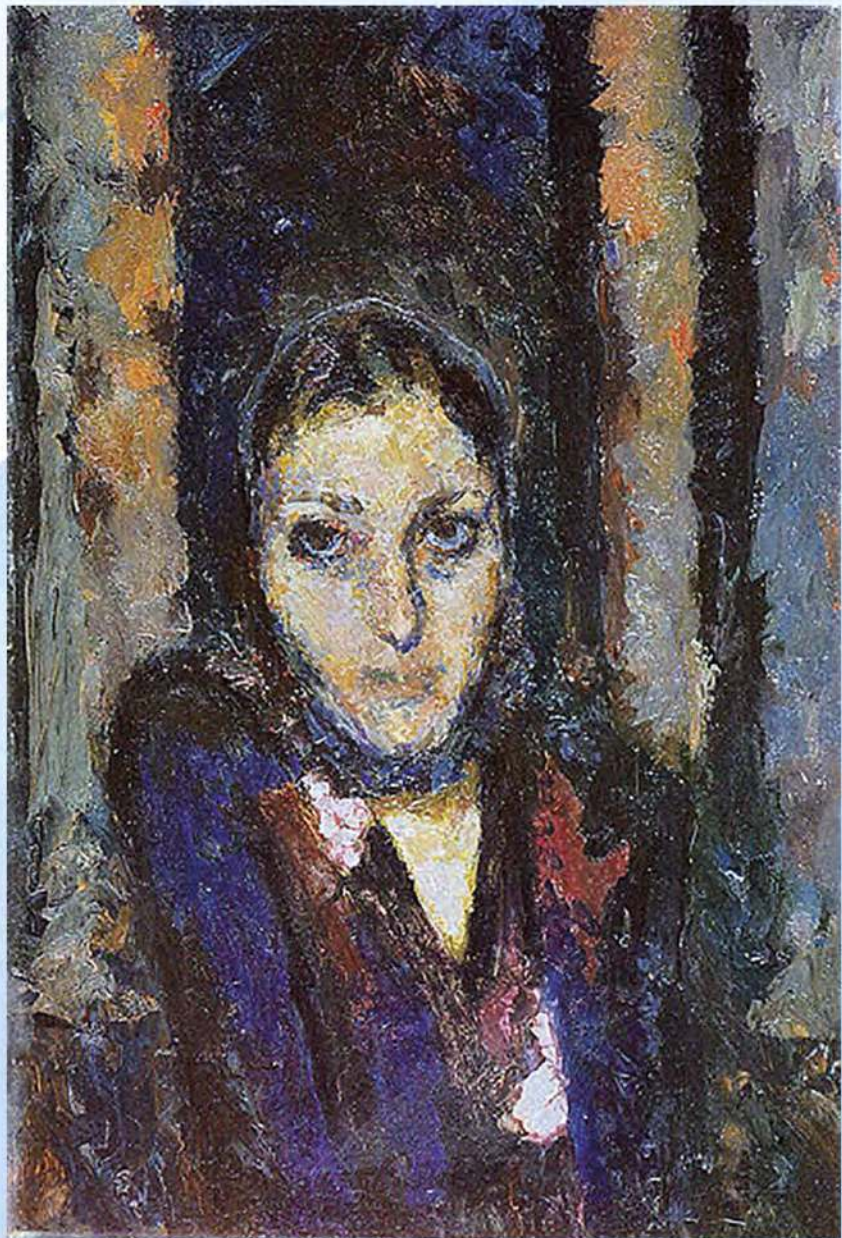
А. Рубцов. Зимний день. Х., м. 1984 г.

А. Рубцов Портрет И.И. Рубцовой. Х., м. 1974 г.

А. Рубцов Портрет хлебороба В.П. Штундюка. Х., м. 1971 г.

А. Рубцов. Портрет Т. Джиевой. Х., м. 1978 г.

А. Рубцов. Портрет П.Г. Тархова. Х., м., 1956 г.

А. Рубцов. Человек с тростью. Х. м., 1981 г.

А. Рубцов. Гость. Х, м. 2010 г.

А. Рубцов. Притча о мальчике. Х., м., 1980 г.

А. Рубцов. Окно на реку, Х., м., 1990 г.

А. Рубцов. Синие чашки. Х., м., 1979 г.